

А. И. Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

* ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ *

(ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ И "КОЛОКОЛ")

<ГЛАВА I>. АПОГЕЙ И ПЕРИГЕЙ. (1858-1862)

I

...Часов в десять утра я слышу снизу густой и недовольный голос:

- Ме дит комса колонель рюс ее вуар.

- Monsieur ne recoit jamais le matin et...

- Же пар демен.

- Et vorte nom, monsieur...

- Mais ву дире колонель рюс 1, - и полковник прибавил голосу.

Жюль был в великом затруднении. Я спросил сверху, подошедши к лестнице:

- Quest ce quil у а?

- Се ву? - спросил полковник.

- Oui, cest moi 2.

- Велите, батюшка, пустить. Ваш слуга не пускает.

- Сделайте одолжение, взойдите. Несколько рассерженный вид полковника прояснился, и он, вступая вместе со мной в кабинет, вдруг как-то приосанился и сказал: (273)

- Полковник такой-то; находясь проездом в Лондоне, поставил за обязанность явиться.

Я тотчас почувствовал себя генералом и, указывая на стул, прибавил:

- Садитесь. Полковник сел.

- Надолго здесь?

- До завтрашнего числа-с.

- И давно приехали?

- Трое суток-с.

- Что же так мало погостили?

- Видите, здесь без языка-с, оно дико, точно в лесу. Душевно желал вас лично увидеть, благодарить от себя и от многих товарищей. Публикации ваши очень полезны: и правды много, и иногда животы надорвешь.

- Чрезвычайно вам благодарен, это - единственная награда на чужбине. И много получают у вас наших изданий?

- Много-с... Да ведь сколько и лист-то каждый читают, до дыр-с, до ключей читают и зачитывают, есть охотники - даже переписывают. Соберемся так, иногда, читать, ну и критикуем-с... Вы, надеюсь, позволите с откровенностью военного и искренно уважающего человека?

- Сделайте одолжение, нам-то уж не приходится восставать против свободы слова.

- Мы так между собою часто говорим; польза большая в ваших обличениях; сами знаете, что скажешь у нас о Сухозанете, примерно, - держи язык за зубами; или вот об Адлерберге? Но, видите, вы давно оставили Россию, вы слишком ее забыли, и нам все кажется, что больно много напираете на крестьянский вопрос... не созрел...

- Будто?

- Ей, ей-с... Я совершенно согласен с вами, помилуйте, та же душа, образ, подобие божие... и все это, поверьте, теперь видят многие, но торопиться нельзя, преждевременно.

- Вы думаете?

- Полагаю-с... Ведь наш мужик - страшный лентяй... Он, пожалуй, и добрый малый - но пьяница и лентяй... Освободи его сразу - работать перестанет, полей не засеет, просто с голоду умрет. (274)

- Да вам-то что же за забота? Ведь вам, полковник, никто не поручал продовольствие народа русского...

Из всех возможных и невозможных возражений полковник наименьше ждал того, которое я ему сделал.

- Оно, конечно-с, с одной стороны...

- Да вы не бойтесь с другой; ведь не в самом деле он умрет с голоду оттого, что хлеб сеять будет не для барина, а для себя?

- Вы меня извините, я счел долгом сказать... Мне кажется, впрочем, я слишком много отнимаю у вас вашего драгоценного времени... Позвольте откланяться.

- Покорнейше благодарю за посещение.

- Помилуйте, не беспокойтесь, У е мон каб? З Далеконько живете-с.

- Не близко.

Я хотел этой великолепной сценой начать эпоху нашего цветения и преуспеяния. Такие и подобные сцены повторялись беспрерывно; ни страшная даль, в которой я жил от Вест-Энда - в Путнее, Фуламе... ни постоянно запертые двери по утрам - ничего не помогало. Мы были в моде.

Кого и кого мы ни выдали тогда!.. Как многие дорого заплатили бы теперь, чтоб стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, мы были в моде, и в каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея.

Так было от 1857 до 1863, но прежде было не так. По мере того как росла